

Квартиры
в новостройках

 ДОМОСТРОЙ media.ru

Андрей Блинушов: история без купюр

Просмотры (802)

Беседовала Светлана ПИМАНОВА

Наш герой мог бы стать замечательным преподавателем. Однако активная гражданская позиция и острый ум не позволили пытливому юноше остаться в стороне от событий, происходивших в стране в переломные 90-е годы. И вот уже четверть века он вместе с единомышленниками восстанавливает трудные страницы истории...

Знакомьтесь: председатель Рязанского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» Андрей Блинушов.

На Лубянку – за вышивание

- Андрей Юрьевич, расскажите о своей семье. Какие предпосылки были к тому, что правозащитная деятельность станет главным делом Вашей жизни?

– Мой дед - подполковник НКВД – был одним из первых начальников лагеря для военнопленных в Рязани, сейчас это исправительная колония строгого режима на Ворошиловке. Видимо, по причине того, что по жизни мне приходилось заниматься огромным количеством судеб людей, обращающихся за помощью в «Мемориал», как-то не доходили руки изучить подробности биографии собственного деда. Дело еще и в том, что эта сфера закрыта, и доступ к архивным документами со временем только усложняется.

От отца знаю, что двоюродный брат деда был расстрелян в 38-м году, и дед пытался узнать его судьбу. Ему удалось выяснить, что весь эшелон с арестованными был расстрелян якобы при попытке к бегству на пути в Воркуту. Даже для него - работника НКВД - это было потрясением. История выглядела просто невероятной: расстрелять при попытке к бегству не одного-пять человек, а целый эшелон! Попытки деда узнать что-то о судьбе родственника не остались незамеченными. Скоро его вызвали в органы. Деду

серьезно пригрозили, но, в общем, все обошлось... Обо всем этом дед рассказывал моему отцу.

А вот история бабушки. В молодости она служила горничной у московских хозяев. В пору Октябрьской революции ее арестовала ЧК за то, что она вышивала на занавесках, которые продавала потом в трактиры, гербы. Неграмотная деревенская девушка и не подозревала, что царской короне было уже не место на государственном гербе. Несколько дней, проведенных на Лубянке, оставили в памяти бабушки такой неизгладимый след, что она не смогла больше жить в Москве, вернулась в деревню.

В редакции газеты «Вечерняя Рязань», 1991 год

Помню, как собирались мои родственники на праздники, и возникали жаркие споры о том, что происходит в стране... По молодости я, конечно, много не понимал тогда, но приставал с расспросами к отцу, и он терпеливо объяснял. Врезалась в память одна сцена. Я сижу дома, и вот буквально врывается взволнованный чем-то отец и, задергивая занавеску, восклицает: «Ты посмотри, как они расстреливали маршала Тухачевского! И стал зачитывать мне ходивший по рукам самиздат -

перепечатанную статью из запрещенного уже номера «Огонька» хрущевского времени, где рассказывалось о том, как пытали командарма во время следствия, как издевались над ним... А он до конца верил Сталину! И не он один...

Я тогда был потрясен услышанным, узнав, что есть закрытая тема репрессий...

Жажда правды

Как-то на отдыхе в Крыму возникла тема депортации крымских татар. Отец рассказывал, как арестовывали солдат и офицеров из крымских татар и высылали в Узбекистан и Казахстан, а ведь среди них были орденосцы, герои Советского Союза.

Повзрослев, я тоже стал читать самиздат – то небольшое, что удавалось достать. Потрясли до глубины души главы солженицынского романа «Архипелаг ГУЛаг».

Включая по ночам «Голос Америки», через помехи радиоволн и «глушилки» удавалось услышать то, что будоражило и не давало покоя... Постепенно впечатления накапливались...

- Как складывалась Ваша жизнь в это время?

- С литфака рязанского пединститута меня призвали в армию. Отслужив, я пошел работать в милицию, параллельно заочно учился на историческом факультете. Тяга к устной истории превратилась в попытку создать в Рязани музей рязанской милиции. Надо сказать, этой идеей мне удалось заинтересовать и преподавателей в школе милиции. Так постепенно я получил доступ к архивным фондам, частично тогда еще засекреченным, где впервые столкнулся с документами, описывающими крестьянские восстания в Рязанской губернии в 1918 году. Нашел документальные подтверждения того, каким насилиям подвергались крестьяне со стороны советской власти. Все это заставляло задуматься...

Тогда же мой наставник - первая женщина-политработник в рязанской милиции 1950-х, подполковник Мухина, сама когда-то окончившая исторический факультет, большая умница, предрекала, что такие мои исторические находки приведут к тому, что с милицией придется расстаться. Так оно и получилось.

С активистами рязанского «Мемориала»

Удостоверение – на стол!

- Как скоро это произошло?

- 5 апреля 1989 года несколько сотен избирателей пришли к городскому исполкому с требованием прекратить произвол, происходящий в ходе избирательной кампании.

Тогда обком партии решил силой разогнать пришедших людей с помощью омонцев.

Это сейчас разгон демонстраций, аресты стали почти привычным делом, тогда же для всех это было шоком. Резиновые дубинки, которые были запрещены еще со времен хрущевской оттепели и хранились на складах, дождались своего часа. Омонцы пошли на людей, хватали, били этими дубинками.

Видеть это все было невыносимо. Я тогда сдал свое милицейское удостоверение.

- И что было дальше?

- Вскоре я оказался в рязанском городском клубе избирателей. В ту пору там были разные люди – социал-демократы, умеренные коммунисты, анархисты, христианские социалисты, последователи эсеров 20-х годов. Задача у всех была – добиться проведения по-настоящему свободных выборов, и тогда это удалось. В горсовете появилась фракция независимых депутатов, начался процесс кристаллизации различных свободных партий, течений, общественных организаций. В Москве в ту пору создавалось историко-просветительское общество «Мемориал», среди инициаторов были известные всей стране люди: академик Сахаров, историк Афанасьев, поэт Евтушенко, писатель Карякин и другие. Мы активно общались с московской инициативной группой. Так 25 лет назад и в Рязани группой единомышленников начал создаваться «Мемориал».

- И это стало отправной точкой правозащитной

деятельности в городе?

- Тогда «Мемориал» стал первой независимой общественной организацией, созданной в советское время. Одними из первых, кто в 1989 году пришел тогда в рязанский «Мемориал», были фотохудожники Евгений Каширин и Сергей Романов, краевед Валерий Дудкин, реставратор живописи Виктор Лозинский, инженеры Николай и Юлия Серета. Первая наша публичная общественная акция - почтить память репрессированных рязанцев, расстрелянных в Рюминой роще, закончилась тогда милицейским разгоном. Даже памятный венки, который мы несли, был отобран, растоптан... Потом было много акций, разных проектов, в которых и нарабатывался опыт правозащитной деятельности, опыт сохранения и актуализации исторической памяти о массовом терроре и ГУЛаге.

Позывные для Тура Хейердала

- Андрей Юрьевич, соблюдая формат нашей рубрики, не могу не спросить о том, что держит Вас «на плаву», помимо основной деятельности. Знаю, что по жизни у Вас есть необычное увлечение – Вы радиолобитель со стажем.

- Действительно, это довольно странно. Я всегда был книжником, библиоманом. В 11-летнем возрасте, случайно взяв в руки журнал «Радио», уже не мог оторваться. Узнал, что существуют радиоклубы, есть люди, коротковолновики, которые вот так запросто могут связаться с экспедициями, путешествующими по миру. Связаться по радио с Туром Хейердалом – вот была моя главная мечта тогда! Так я попал в радиоклуб, располагался он на улице Революции, 11. Радиосвязь очень увлекла... Было время, когда я довольно активно ездил в радиоэкспедиции по области и в другие регионы, целыми днями таскал на себе тяжеленную аппаратуру. И это было так здорово! Была заветная цель - выйти на радиосвязь с морских островов.

- И мечта сбылась?

- Еще как! Я выходил на связь с островов в Белом море, Карелии, Черном и Адриатическом морях, с горных вершин и перевалов в Хибинском массиве, на полярном Урале, Северном Кавказе.

Сейчас радиосвязь на острове в Белом море, 2009 год

- Почему именно с островов?

- Здесь такая экзотика! Как правило, в этих местах нет постоянных радиолобителей, а наградами и дипломами в мире радио отмечают те люди, которые смогли связаться с наибольшим количеством территорий. И многие острова, горные массивы – это отдельные местности по мировой радиолобительской классификации.

Взять полярный Урал: это огромная отдаленная территория, но работать там

можно, только приехав на место, да не просто, а с соответствующими бумагами-разрешениями. Романтика, конечно.

Сейчас это может быть не очень понятно в связи с появлением Интернета и сотовой связи, а тогда, лет 40 назад, находясь за железным занавесом, это была для нас единственная возможность связаться с зарубежной страной, завести себе друзей «за тридевять земель».

- То есть уже тогда Вы свободно общались по-английски?

- Ну, скажем так, в рамках регламента радиосвязи. Кстати, в Советском Союзе существовал запрет на работу в радиоловительском эфире с Израилем, Чили, Южной Африкой.

- Что Вам запомнилось из выходов в эфир?

- Однажды состоялся сеанс радиосвязи со станцией «Восток» в Антарктике. Было безумно интересно. Несколько часов мы беседовали с полярниками о самых разных вещах.

- О чем, например?

- О кольцевании пингвинов! А мы делились событиями с Большой Земли.

Сегодня это хобби вымирающее, у всех в карманах мобильники. А на моей памяти были ситуации, когда выручить могла только радиосвязь.

Такая охота удалась!

Когда произошло землетрясение в Спитаке и люди отчаянно пытались найти родственников, мы сутками дежурили в радиоклубе, наладив радиомост между многими областями и пострадавшими территориями. И ведь нашли массу пропавших людей!

Сакральные тайны памяти

- Знаю, что Вы прекрасно разбираетесь в

литературе.

- На моей книжной полке всегда стоит 13-томник Стругацких. Для меня это литература на все века. И это гораздо шире, чем просто фантастика. Мне очень нравится, как пишут Людмила Улицкая, Дина Рубина. Жаль только, что на чтение для души приходится выкраивать время – поздно вечером, а то и ночью.

- Вы романтик?

- Пожалуй. То, чем я занимаюсь в «Мемориале», а именно – возвращение исторической памяти, имеет по-своему сакральный характер и смысл. Небольшое историческое открытие – когда совпали наконец разные исторические факты и выстроилась канва события – дарит ощущение маленького праздника на целый день.

- Что значительного хотелось бы еще сделать?

- Все, что наработано за 25 лет поисков, все архивы «Мемориала» планируем перевести в Сеть, чтобы люди могли увидеть это в открытом доступе. Разными путями добывались эти сведения. Люди, которые хотят восстановить историю семьи, узнать правду о своих родственниках, потерявших в сталинских застенках или в годы войны, имеют на это право. В планах – издание следующего сборника путеводителя «Политические репрессии в Рязани», а может, и Рязанской области, и издания «Рязанский мартиролог». Это большой проект, где в нескольких томах будут собраны тысячи справок о расстрелянных в годы репрессий рязанцах. Надо обязательно попытаться успеть...

Опубликовано в №39 еженедельника "Дом.Строй". (от 09.10.2013г.)

http://www.domstroymedia.ru/articles/nerabochee_nastroenie/6643/

